

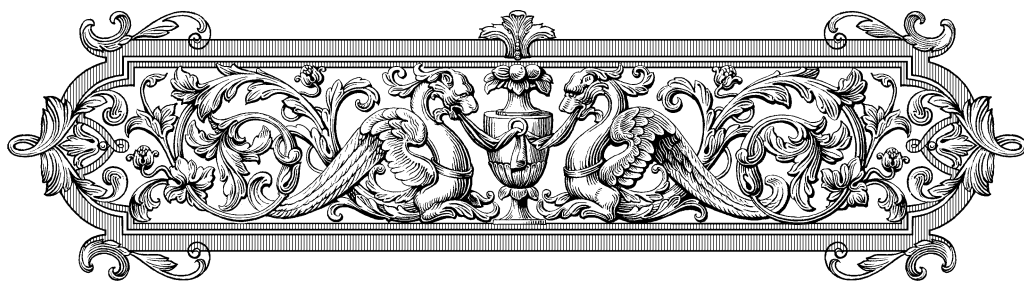
МУДРОСТЬ ВЕКОВ

ИГОРЬ ГАРИН

КЛАССИКИ

Харьков
«ФОЛИО»
2020

РУССКАЯ ИДЕЯ

ОТ ФИЛОФЕЯ ДО ПЕТРА

Русский коммунизм есть извращение русской мессианской идеи. Он утверждает свет с Востока, который должен просветить буржуазную тьму Запада.

Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен.

Н. А. Бердяев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами...

А. А. Блок

Один из парадоксов истории состоит в том, что семена Кадма, произведенные Западом, взошли на Востоке. Как могло случиться, что страна, издавна окружившая себя «железным занавесом», мало восприимчивая к тому, что происходило за ее пределами, веками предпочитавшая автаркию, культивировавшая мессианство, оказалась столь восприимчивой к «отходам производства» западного духа — утопиям, уравниваниям, революциям, «просвещениям», нигилизму, максимализму, экстремизму, коммунизму, фашизму? Почему западноевропейские идеи, не востребованные европейцами, оказались столь «плодотворны» в стране, настороженно относящейся к «тлетворным влияниям»? — Плодотворны в том смысле, в каком «плодотворно чрево, из которого *это* выползло»...

В Русофобии Шафаревич пишет о том, что в Россию социализм был привнесен с Запада. Поэтому, заключает он, это явление *н е р у с с к о е*. Шафаревич умалчивает, что для запада социализм был пеной, отходом духовного производства, свидетельством ущербности мышления, примитивизма своих

апологетов, а для культурно неразвитой России — передовым учением, светочем и надеждой.

Шафаревич умалчивает, что коммунизм не привился на Западе из-за отсутствия почвы, что именно в России нашел хорошо подготовленный чернозем — огромную хтоническую целину. Н е р у с с к и й социализм потому и смог стать наирусским, что отвечал вековым сокровенным чаяниям и духу народа, его общинности, соборности, пассивности, враждебности культуре, разномыслию и многообразию жизни.

Страдай я манией преследования, или комплексом космической подозрительности, или психозом величия, происходящим из чувства неполноценности, я начал бы с «заговора» — если не сионских мудрецов, то всемирного масонства, или империализма, или «малого народа», или, на худой конец, закатывающейся Европы, устранившейся «света с востока». Убоявшись русского медведя, поднимающегося великана, всечеловечного народа-богоносца, жида-фрицы, лягушатники-макаронники, колонизаторы-империалисты и подбросили ему, юному колоссу, только и желавшему оплодотворить мир своим крепким семенем, свежей спермой, разрушительный вирус, косящий не отдельных людей, а целые нации, «большие народы». И таки скосили, подлые... Так что не мы, доверчивые и миролюбивые, виноваты в том, что с нами произошло, а вся эта хитрожопая Европа, ну и «пархатые», конечно, в первую очередь, собственная пятая колонна...

Бедный, несчастный народ... Как же не быть бедным, когда везде — враги? Одна лишь незадача: «черносотенное» православие архимандрита Фотия, «черные сотни» Союза русского народа, расизм Данилевского, антисемитизм Достоевского, первые фашистские партии Зубатова и Восняцкого — все наше, доморощенное... И «Протоколы сионских мудрецов» — не с запада к нам, а от нас — на запад...

А тут еще «недобиток» Бердяев со своей состряпанной «по указке империализма» Р у с с к о й и д е е й. Как там?

В России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, и была утопией, не соответствующей русским традициям и господствовавшим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической, либеральное движение было связано с Государственной думой и кадетской партией. Но оно не имело опоры в народных массах, и лишено было вдохновляющих идей. По русскому духовному складу, революция могла быть только тоталитарной, все русские идеологии были всегда тоталитарными...

Да, слишком мягок был Старик, пулю бы в лоб, а не «философские пароходы» для осквернителей-обсирателей... цацкался с ними много... Вот и результат...

«Удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница», — это ведь Александр Сергеевич Пушкин писал, а не столь нелюбез-

ные душам наших шафаревичей жидовствующие... А кому, как не Лермонтову, принадлежит Прощай, немытая Россия? И разве не Блок сделал эту предсмертную запись: «Слопала меня Россия, как чушка глупого поросенка»? Даже у славянофила Хомякова — В судах полна неправды черной... И разве не у Печерина, в любви которого к своей родине невозможно усомниться, эти страшные строки: «Как сладостно отчизну ненавидеть! И жадно ждать ее уничтоженья...»?

Холуй смеется, раб хохочет,
Палач свою секиру точит,
Тиран терзает каплуна,
Сверкает зимняя луна.

То вид отчества: гравюра,
На лежаке солдат и дура,
Старуха чешет мертвый бок,
То вид отчества: лубок.

Собака лает, ветер носит,
Борис у Глеба в морду просит,
Кружатся пары на балу,
В прихожей — куча на полу.

Луна сияет, зренье муча,
Под ней — как мозг отдельный — туча.
Пускай художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит.

Коли б еще не все эти Радищевы, Гоголи, Чаадаевы, Салтыковы... Умничали слишком много. «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала» — у-у-у, интеллигент... Да, и Пушкин — хорош гусь: «Боже, как грустна наша Россия» — сказано из недобитков, и стихи антинародные кропал и кропал, «сеятель пустынный». «Изыде сеятель сеяти семена свои» — правильно говорили...

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

И русский бунт у него, видите ли, бессмысленный и беспощадный, и «народ властвует со всей отвратительной властью демократии», — писать правильно не умел, а все туда же: в народе русском — «все признаки невеже-

ства — презрение к чужому, спесь необузданная и решительная». Сказано — арап... Ну, а Гоголь — известно: хохол недоделанный, видите ли, у *наших* души мертвые и жизнь омертвела. Не напрасно же Белинский дал ему по мозгам — да так, что мозги вылетели, сам, ополоумев, мертвые души свои пожег.

А у Чаадаева не иначе как жидовская кровь затесалась! Мог ли наш человек писать такое? —

Мы не принадлежим к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это — естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая наша идея бесследно вытесняет старые.

Мы принадлежим к числу наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок.

Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокое в мире, мы ничего не дали миру, не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и всё, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили.

Так думал не один Чаадаев. И. С. Гагарин, сменивший православие на католичество, в критике России был еще радикальнее, а один из Любомудров, Дмитрий Веневитинов, в 1826-м писал:

У всех народов самостоятельное просвещение развивалось из начала, так сказать, отечественного... Россия все получила извне... Оттуда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности...

Началом и причиной медленности наших успехов в просвещении была та самая быстрота, с которою Россия приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое здание литературы без всякого основания, без всякого напряжения внутренней силы. Уму человеческому сродно действовать, и если б он у нас следовал естественному ходу, то характер народа развился бы собственной своей силою и принял бы направление самобытное, ему свойственное.

В 1828-м так думали и другие Любомудры, позже изменившие свои взгляды и превратившиеся в «славянофилов».

Заслуга «любомудров» — в попытке создать самобытную русскую философию, без которой невозможна свобода. Если бы в дальнейшем не произошло деления «любомудров» на славянофилов и западников, как знать, не стала

бы история России менее кровавой. У нас ведь так никогда и не получилось единства в многообразии — одна только борьба «лагерей» и обязательно «до победного конца»... Не оттого ли столько крови при отсутствии побед?..

Как объяснить это выпадение из времени, эту культурную отсталость, эту несвободу, эту невыраженность, эти «безмыслие и безмолвие допетровской России»? Почему государство крепло, а народ хирел, как очень точно выразился Ключевский? Виной ли тому непосильные бескрайние пространства Руси? Ее византийское прошлое? Татарское иго? Смута? Хлыстовство? Старолюбие? Самоизоляция? Разрыв с греческим и латинским языками? Домострой? Традиционный консерватизм, препятствующий развитию? Деспотия царей? Безропотность масс?

Нет простых ответов... Известно лишь, что стоило стране после, увы, насильственных реформ Петра соприкоснуться с Западом, как произошел взрыв культуры: на реформы Петра русский народ ответил явлением Пушкина, — констатировал Герцен. Стоило отменить крепостное право, как страна отреагировала «русским чудом», равным по мировому влиянию «золотому веку» Афин. В XIX веке Россия действительно пробежала тысячелетие, допустив в себя Данте и Шекспира, Шиллера и Гёте, Дидро и Вольтера, Возрождение и Просвещение. Разве до Реформации не доросла...

Феодализм затянулся в России до второй половины XIX века (мы так и не осознали, что рабство в стране отменено немногим более века тому назад), но и в XIX веке это не был европейский серваж, когда вассалы необходимы синьорам не меньше, чем синьоры вассалам. Средние века не дали нам ни рыцарства, ни Данте и Фому Аквинского, ни «прекрасного сладостного стиля», ни бурной духовной жизни, ни культа женщины, ни благородства мужчины, ни святых, ни еретиков — только мученичество, только унижение человеческого достоинства, только юродство, скопчество и хлыстовство. Даже такая позорящая нацию книга, как *Домострой*, появилась у нас не в Средневековье, а в век Сервантеса и Шекспира, Рабле и Тассо, Монтеня и Гонгоры.

Даже русские святые и отцы церкви — государевой и раскольниковской, — такие как Иосиф Волоцкий, или Никон, или Аввакум, — сторонники христианства жестокого, бескомпромиссного, беспощадного. Человек, обосновавший и освятивший московское царство и государственное православие, — я имею в виду Иосифа Волоцкого, — участвовал в создании государственного сыска, сам казнил еретиков, неумолимо давил малейшие проявления свободы. Деспотия Ивана IV была обоснована не царями, а церковниками, и никто иной как инок Филофей первым заговорил о Москве — Третьем Риме. Русский царь, писал он, «един-то во всей поднебесной христианский царь».

Престол вселенский и апостольский церкви имел представительницей церковь Пресв. Богородицы в богоносном граде Москве, просиявшую вместо Римской и Константинопольской, иже едина во всей вселенной паче солнца светится.

Русская мессианская идея — отнюдь не изобретение славянофилов или Достоевского: уже люди московского царства считали себя избранным народом — не случайно же «Третий Рим»...

В духовных стихах Русь — вселенная, русский царь — царь над царями, Иерусалим та же Русь, Русь там, где истина веры. Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя. Империалистический соблазн входит в мессианское сознание. Московские цари считали себя преемниками византийских императоров.

И рядом — животная грубость и жестокая беспощадность Домостроя, Измарагда, Златоуста, рабье понимание христианства, палка и кнут, размазывание человеческой личности... На что уж любил русскую старину Иван Аксаков, один из отцов славянофильства и «русской идеи», и тот отказывался понять, как такую низкую, отвратительную мораль, как мораль протопопа Сильвестра, мог породить русский народный характер. Я бы добавил — православный... Ведь речь идет не только о быте — о религиозном поведении верующих...

Казни сына своего от юности его, и покоит ты на старость твою, и даст красоту душе твоей. И не ослабляй, бия младенца: аще бо жезлом биеши его, не умрет, но здравее будет, ты бо, бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти.

Идеологи абсолютизма — Москвы как Третьего Рима — вместе с идеологами православия (чаще всего одни и те же лица) пеклись не о человеке и его свободе (первый исландский парламент — IX век, а английский билль о правах датируется XIV веком!), не о законе, не о духовной жизни нации, а о все тех же палке и кнуте, о могуществе государства, о подавлении любых (даже самых реакционных) проблесков свободомыслия. Европа тоже карала своих еретиков, но она оставляла им возможность бежать ко двору Маргариты Наваррской, писать Гаргантюа и Гулливера, искать защиты под сенью закона. Даже Макиавелли одной рукой писал Князя, а другой — Рассуждения на первую декаду Тита Ливия, где отстаивал республику, и Мандрагору, где в уничтожающе-сатирической форме разоблачал духовенство. Наш раскол и наш Аввакум — явления в мировой культуре уникальные: реакционеры против обскурантов, те и другие — ревнители благочестия и державности, убивающие державу. Невозможно определить, кто — вернее: Никон или Аввакум. Я имею в виду даже не самосожжения, охватившие всю страну, унесшие жизни самых активных ее сынов, — я имею в виду худшее — самосожжение человечности, духовности, внутреннего мира...

Русские — раскольники, это глубокая черта нашего народного характера. Консерваторам, обращенным к прошлому, XVII век представляется органическим веком русской истории, которому они хотели бы подражать. Этим грешили и славянофилы. Но это историческая иллю-

зия. В действительности то был век смуты и раскола. Смутная эпоха, которая потрясла всю русскую жизнь, меняет народную психику. Она надорвала силы России.

Она подорвала силы России не пустяжными вопросами обрядоверия, но — обскурантизмом, дикостью, дурной государственностью, боязнью «гречества» и «латинства», государевыми претензиями Никона и экстремизмом Аввакума, мессианскими экстазами обоих. Раскол был выпадением из времени, борьбой двух диких староверий, первобытным ответом на вызов истории. Всё худшее приходило в Россию в облике ее спасителей-самозванцев, «болящих за государство Расейское». Пролитая ими кровь, пепел жертв — малая толика страданий, сохранивших боль на века. Казалось, давно пора понять антихристову природу всех этих «спасителей отечества», самого страшного зла в российской истории, но — амнезия, беспамятство, Иваны непомнящие...

Истинное царство нужно искать в пространстве под землей, а не во времени, а если во времени, то окрашенном апокалиптически. Раскол внушал русскому народу ожидание антихриста, и он будет видеть явление антихриста и в Петре Великом, и в Наполеоне, и во многих других образах.

Самозванство — чисто русское явление. Пугачев мог преуспеть, только выдав себя за Петра III. Протопоп Аввакум верил в свое избранничество и обладание особой благодатью духа Св., он считал себя святым... Он говорил: «небо мое и земля моя, свет мой и вся тварь — Бог мне дал».

Раскол, роль которого в нашей истории все еще не осознана, тоже проходил под видом борьбы за «чистоту идеалов» и «укрепление державы», а идеалы и державу разрушил изнутри, подорвал силы церкви, усилил гнет. Религиозная сторона раскола заслонила более важную — бунтарскую, экстремистскую, йехуистскую, самопорабощающую, не исчезнувшую с отменой рабства...

Фактически староверы, старолюбы, раскольники, последователи Аввакума боролись с жизнью, человеком, временем. Самые незначительные попытки церковной реформы были для них блядословием, блядоблудием, блядодействием «выблядков римского костела».

По мнению Даниила Андреева и Григория Померанца, феномен Аввакума — это столкновение рутины с бездной бытия. Отсутствие философской мысли на Руси, ее отгороженность от мира, особенно мира греческого, веками предохраняли русское сознание от столкновения с неразрешимыми противоречиями духа, — как выразились бы сегодня, от пребывания в зазоре бытия. Когда в результате косметических реформ Никона автаркия дрогнула и возникла опасность «замутнения» дремучей «чистоты», появился Аввакум; впрочем, за глубинным метафизическим протестом скрывалось и множество других причин неприятия реформ.

Аввакума сожгли. Сожгли в самой аввакумовой стране, где должны были бы почитать за железную стойкость и неумолимость. Впрочем, и почитают...

Но Аввакум не умер, он был только подавлен, оттеснен с авансцены. В критические моменты истории Аввакум встает из сруба, где его сожгли, и снова предает новаторов анафеме.

В своем *А в в а к у м е* я не сказал главного: что Аввакум — это ужас, ужас дремучести пред бездной бытия. Аввакум всеми силами цеплялся за старое, ибо острым нюхом чуял приближение тех паскалевских бездн, выдержку которые способно лишь сильно развитое сознание. Он отрицал не церковную реформу, но самую жизнь, бездну жизни, правду жизни, ее способность к бесконечному развитию и поиску истины, какой бы она ни была.

Когда в век Фрейда за образец для подражания выбирают Орду, Аввакума, скопцов, это симптом того, что А. Блок очень точно выразил формулой «тяжелый русский дух, нечем дышать и нельзя лететь». Увы, русская идея часто идея самооскопляющая, хлыстовская, дремучая. Аввакум, подвижнически защищавший «старолюбие», звавший в борьбе за мракобесие в огонь очищающий, воодушевивший сотни тысяч «милых русачков» на самосожжение; объявивший себя Иисусом Христом Кондратий Селиванов, кастрировавший не только себя, но и многих земляков: «Не бойся, не умрешь, а паче воскресишь душу свою, и будет тебе легко и радостно, и станешь как на крыльях летать; дух к тебе переселится, и душа в тебе обновится»; Алексей Еленский, возложивший на себя должность непостижимого Отца светов и предложивший правительству уникальную утопию кастрации всех под руководством уже кастрированных, реализованную в метафорической форме большевиками; наследники хлыстов и скопцов, сами большевики, замыслившие преодолеть человеческую природу, разрушить культуру и историю и на руинах старого мира возвести «светлое будущее» для «перерожденных людей»^{*} — разве все это не мощные отголоски крайнего утопизма «русской идеи», противоестественного синтеза хлыстовства и масонства, скопчества и мессианства, дремучего сектанства и варварского «новаторства»?..

А. Эткинд:

В России Просвещение распространялось сверху вниз, ответное сопротивление ему закономерно шло снизу вверх. Когда русские романтики, вслед за их европейскими предшественниками, открыли для себя народную культуру, их восторг был беспрецедентен: они увидели замечательное соответствие народных чаяний собственным (а чаще импортированным) идеям.

Антилиберальные вандеи принимали разный характер — крестьянских восстаний, религиозных расколов, мистических пророчеств, социальных революций, космических утопий...

Все это и воплотилось в «русской идее», эклектической, противоречивой, всеядной, в равной мере принимающей мистику и рациональность, архаику и дре-

^{*} В романе Вс. Иванова «У» на речь большевика о массовом перерождении народа представитель последнего интерпретирует намерение в скопческом духе: «Чего ж, выхолостят их али как?»

мучее новаторство, всемирность и шовинистичность, всечеловечность и ксенофобию — «мистику правления “лежа на боку”», оборонительный союз царя и пророка, страх и поклонение женскому началу, скопческий эротизм власти».

Новые люди, овладев тайной тотальной сублимации, создадут культуру небывалой высоты.

В создании нового мифа универсальный энтузиазм прихотливо соединялся с личным несчастьем, всеобщее желание переделать мир — с тайной мечтой переиграть жизнь сначала.

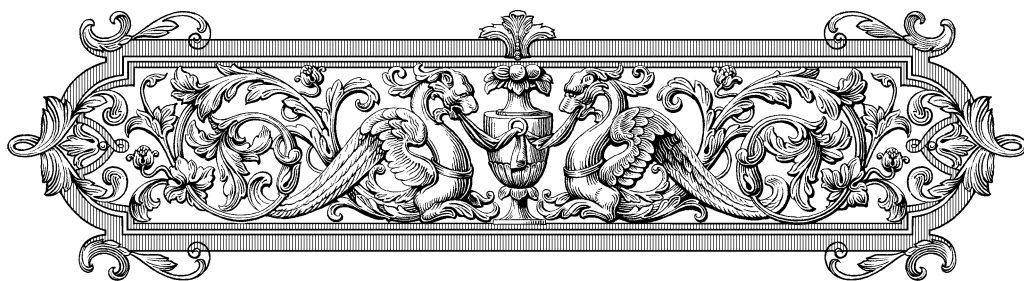
Если практика — критерий истины, то практика русской революции — воплощение в жизнь русской идеи: революция — это кастрация жизни, как идея — кастрация мысли... Кастрации физической предшествовала воображаемая, идеальная...

Я давно убедился в том, что никто не сделает тебе хуже, чем ты сам. Сначала мы придумали самооскопляющий идеал, затем реализовали его на практике...

По принципу фрейдовского вытеснения (а, может быть, в силу патриархального бытия) русские, живя в деспотическом мире страдания, старались не замечать трагичности и абсурдности жизни. Одной из причин отсутствия философии и неукорененности религии является нечувствительность к страданию и смерти. Высокий порог боли, выработанный веками страданий, очерствяет человека. Во всемирной отзывчивости русского характера присутствует не только правда страдания, но и ложь бесчувствия. Когда я пишу, что народы живут в разных временах, я имею в виду степень чувствительности к боли, определяемую аристократичностью и культурой. Черствость, жесткость, даже жестокость — не вина, а беда русского народа, результат тысячелетнего терпения, тяжелая наследственность. Мне кажется, одной из причин русской ксенофобии является повышенная чувствительность европейцев и иудеев к боли. Возможно, это же лежит в основе чувства превосходства: не только мужика над баринном, но русского Ивана над Жаном или Джоном.

Порфирий Петрович говорит Раскольникову: «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять, да с улыбкой смотреть на мучителей, если только веру иль Бога найдет...». Это страшные слова: «жизнь за царя», «жизнь за идею», даже самую благородную, вместе с «кишки вырезай» — не от доброй жизни. А «вера», «идея» в сочетании с нечувствительной суровостью, бессердечностью, первобытной черствостью и есть благодатная почва для бесчеловечности коммунизма, диктатуры пролетариата, равенства и других бесовских соблазнов.

Самобытность — это одно, а вакханалия изуверства — другое: из национального самосознания происходит культура, из национального фанатизма — фиглярство и бешенство. С одной стороны — национальная мудрость, яркость, красота, с другой — неиссякаемый источник вражды, ненависти, жестокости, беспощадности, разрушительности. Как сказал кто-то, патриотизм — последнее убежище окалеченного. Некоторые считают себя патриотами не потому,

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ИДЕЯ

От Филофея до Петра	5
От нигилистов до социалистов	19
Александр Герцен	28
Славянофилы	30
Лев Толстой	36
Федор Достоевский	41
Константин Леонтьев	52
Владимир Соловьев	60
Николай Федоров. Дайджест (по Ю. А. Карабчиевскому)	64
О русском менталитете	68
На излете	75

ГОГОЛЬ

Пролог: НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ГОГОЛЬ	81
Глава 1. ЛИЧНОСТЬ	93
Два Гоголя?	93
Портрет художника	101
Ничто человеческое... ..	107
Нарцисс и пан	114
Нонконформист	122
Скрытность и исповедальность	128
«Русский Паскаль»	135
Болезнь	143
«Любовь» Гоголя	154
Вера	171
Русь! Русь! Вижу тебя... ..	181

Глава 2. ТВОРЧЕСТВО	199
Художник	199
Реалист или абсурдист?	218
Живопись слов	227
Смех	238
«Малые формы»	242
«Ревизор»	254
«Мертвые души»	265
Хлестаков и Чичиков	277
«Переписка с друзьями»	283
Тайны второго тома «мертвых душ»	313
Из «авторской исповеди»	340
«Размышления о божественной литургии»	344
Эпилог: стук времени, уходящего в вечность	347

ТЮТЧЕВ

Глава 1. ЖИЗНЬ	353
Дела семейные	353
Дела европейские	365
Снова в России	370
Любовь роковая	372
Последние годы	380
Взыскующий благодати	385
Глава 2. ПОЭЗИЯ	397
Мировые филиации	397
Поэт вещей души	423
Поэт-философ	429
Пейзажи в стихах?	434
Любовная лирика	442
Стиль	449
Глава 3. ПОЛИТИКА	454
Глава 4. ТЮТЧЕВ И РОССИЯ	474
Глава 5. ИЗ ТЮТЧЕВИАНЫ	497
Поэтическая Тютчевiana	497
Музыкальная Тютчевiana	501
Глава 6. ВРЕМЯ	505

ТОЛСТОЙ

Разгадка Толстого: человек	514
Творчество — глубокая рана	525
Личность	534
Художник жизни. Дайджест	543
Портрет	544
Veritatem dilexit	553
Молодой Толстой	557
Из истории влияний	571
Художник	577
Исповедь. Дайджест	584
Грандиозная нелепость?	586
Теория другой щеки, или восемьдесят тысяч верст вокруг самого себя	600
Смиренны ли апостолы кротости?	614
«В чем вера моя?»	617
Оевуге	622
«Помещик, юродствующий во Христе...»	625
Лев Толстой как зеркало перестройки. Дайджест	631
Поэт и чернь	633
С. А.	636
Крейцерова соната	641
Мученик и мученица	643
Уход	645
Мировая совесть?	653
Memento mori	656
Астапово	661

ДОСТОЕВСКИЙ

Пролог: ФЕНОМЕН ДОСТОЕВСКОГО	663
Глава 1. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	669
«Натура моя подлая и слишком страстная»	669
Житие великого грешника	671
Злодейство?	675
Гений и барыш	680
Мистер Микобер	683
Глазами Фрейда	686
«Перерождаюсь...»	692
Всечеловек	695

Nihil Humanium	701
Болезнь?	706
Глава 2. МИР ДОСТОЕВСКОГО	710
Глава 3. ПОЛИФОНΙΑ	719
Глава 4. КРОВООБРАЩЕНИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	724
Глава 5. ПОДПОЛЬНЫЕ ЛЮДИ	732
«...А чтоб мне всегда чай пить»	732
Подполье неисчерпаемо!	735
Глава 6. РАСКОЛЬНИКОВ	738
Глава 7. МЫСЛЬ НАДОБНО РАЗРЕШИТЬ, ИЛИ ТРАГЕДИЯ ГУМАНИЗМА	743
Проба на духовность	743
Свобода, зло и искупление	750
Глава 8. БЕСЫ, ИЛИ ИДЕЯ СЪЕЛА	757
Русская трагедия	757
«Мы провозгласим разрушение...»	767
Глава 9. КАРАМАЗОВСКИЙ ЧЕЛОВЕК	773
Глава 10. ПЛОДЫ БЕЗБОЖНОЙ «ЛЮБВИ»	776
Глава 11. НАДЕЖДЫ, ПОХОЖИЕ НА ОПАСЕНИЯ	780
Прямая речь Достоевского	780
Пророк и обыватель	784
Россия превыше всего	789
Глава 12. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС И ПАДЕНИЕ	794
Глава 13. УТОПИЯ ИЛИ АНТИУТОПИЯ?	801
Глава 14. ГЛАВНЫЙ НЕРВ ЭПОХИ	805
Глава 15. ОБОЛГАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ	813
Забвение поклонением	813
Чего изволите?	819

СОЛОВЬЕВ

Глашатай истин вековых	826
Пир духа	838
Жизнь Соловьева	866
Русский Франциск	890
Из истории влияний	908

Философ-странник	922
Универсум и мультиверсум	928
Учение о теократии	936
София	941
«Чтения о богочеловечестве»	947
Запад и Восток	950
Православие и католичество	956
О человеке	964
«Оправдание добра»	969
Поэзия Соловьева	977
Толстой, Достоевский и Соловьев	986
«Три разговора»	995

